

*На правах рукописи*

**Шелепова Елена Владимировна**

**РИТУАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ  
ПОЗДНЕЙ ДРЕВНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Специальность 07.00.06 – археология

**Автореферат**  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Барнаул – 2009

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и музеологии  
ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент  
**Тишкин Алексей Алексеевич**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор  
**Худяков Юлий Сергеевич;**

кандидат исторических наук  
**Ожередов Юрий Иванович**

Ведущая организация: **ГОУ ВПО «Горно-Алтайский  
государственный университет»**

Защита состоится 14 апреля 2009 года в 12.00 часов на заседании  
объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссер-  
таций ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете  
по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, ауд. 416 (зал заседаний  
ученого совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО  
«Алтайский государственный университет».

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2009 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы.** Благодаря многолетним исследованиям погребально-поминальных комплексов Саяно-Алтая от раннескифского времени до раннего средневековья к настоящему времени накоплена и в определенной степени опубликована представительная база источников. С помощью полученных в ходе раскопок разноплановых сведений осуществлялись реконструкции различных аспектов жизнедеятельности кочевых обществ. Составлено более или менее целостное представление о погребальном обряде, социальной организации и системе мировоззрений бийкенской, пазырыкской, булан-кобинской и тюркской культуры. Преимущественный исследовательский интерес к погребальным памятникам оставял за рамками специального изучения различные внекурганые ритуальные конструкции. Публикации материалов раскопок таких объектов носят часто выборочный характер. По информативной емкости «поминальные», «жертвенные» и другие сооружения уступают материалам погребений. В то же время их системное изучение, которое предполагает привлечение сведений из письменных источников, этнографических данных, материалов археологических исследований, позволяет составить целостное представление об организации сакрального пространства и входящих в него памятников в разные исторические периоды, определить функциональное назначение таких объектов. До сих пор нет обобщающих работ, в которых бы ритуальные комплексы и соответствующие им модели организации сакрального пространства рассматривались в динамике существования культур от раннескифского времени до раннего средневековья включительно. В решении проблем семантики ритуальных объектов и конструкций существует значительная лакуна. Согласно сложившейся «традиции» все они причисляются к разряду «поминальных». Поэтому в теоретическом осмыслении и корректировке нуждаются понятия и обозначения, употребляемые для интерпретации археологически выявленных типов ритуальных памятников.

**Цель исследования** заключается в комплексном анализе и реконструкции системы представлений древних и раннесредневековых кочевников Алтая, связанных с ритуальной сферой деятельности и отраженных в специфических археологических памятниках.

### **Задачи:**

1. Обобщить и систематизировать накопленные сведения по изучению ритуальных комплексов древних и раннесредневековых кочевников Алтая и сопредельных территорий.
2. Выявить основные элементы организации и оформления сакрального пространства в разные периоды.
3. Определить семантику и функциональное назначение отдельных типов ритуальных объектов и конструкций.

4. Реконструировать ритуальную практику, зафиксированную по разным типам изученных сооружений.

5. Рассмотреть принципы организации сакрального пространства и составляющие его элементы в динамике существовавших кочевых культур от поздней древности до раннего средневековья включительно.

**Объектом** исследования выступает ритуальная практика древних и раннесредневековых кочевых обществ Алтая.

**Предметом** работы являются ритуальные объекты и сооружения, зафиксированные в околочурганном пространстве, и обособленные от них комплексы.

**Территориальные рамки** работы ограничены в основном Алтаем. Используются традиционные наименования его физико-географических провинций: Южный, Восточный, Северо-Восточный, Центральный, Северо-Западный и др. Дополнительно привлекались материалы из Восточного Казахстана, Монголии, Тувы, Хакаско-Минусинской котловины, Тянь-Шаня, Забайкалья, Южного Урала.

**Хронологические рамки** диссертационного исследования охватывают период с конца IX в. до н.э. по XI в. н.э., когда на Алтае существовали бийкенская (конец IX – 2–3-я четв. VI вв. до н.э.), пазырыкская (2-я половина VI–III вв. до н.э.), булан-кобинская (II в. до н.э. – 1-я половина V в. н.э.) и тюркская (2-я половина V–XI вв. н.э.) культуры (Тишкин, 2007).

**Методология** исследования основывается на принципах исторического познания. Явления исторической действительности рассматриваются как определенным образом организованная структура, состоящая из отдельных элементов, которые входят «...как часть в целое в более общую систему общественного сознания» (Ельчанинов, 2004). Для реализации цели всесторонней реконструкции ритуальной практики нами использован системный подход. Он подразумевает рассмотрение объектов как сложноорганизованных систем, «...ориентирует на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину», предполагает построение моделей систем и их свойств, рассмотрение их в динамике развития (Блауберг, 1997; Блауберг, Юдин, Садовский, 2001; и др.). Применение основных положений данного подхода на археологическом материале нашей тематики предполагало восприятие сакрального пространства погребального комплекса и каждого ритуального памятника как упорядоченной, целостной, динамичной системы взаимосвязанных элементов, обладающих для целого определенной значимостью. Это позволило выявить функции отдельных типов сооружений.

Терминологический аппарат работы составляют понятия религиозно-мифологической сферы: *ритуал* (или обряд) – это особая программа пове-

дения, с помощью которой древний коллектив переживал значимые точки бытия, одной из которых была смерть (Байбурин, 1991). Разрыв с нею происходил посредством *погребально-поминального обряда*, определяемого как «...совокупность стереотипно-символических (реальных, целесообразных, нормированных) действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего, а также спустя определенное время после захоронения» (Ольховский, 1999). Понятие *поминальный обряд* имеет самостоятельное значение и определяется как действия, совершаемые в течение определенного времени после захоронения (Ольховский, 1991). Центральную часть ритуала составляет понятие *жертвоприношение* – способ установления коммуникации, средство связи между миром профанным и сакральным (Новик, 1984, 1994). Ритуальными памятниками названы археологические объекты и сооружения, которые имеют непосредственное или опосредованное отношение к погребальным комплексам.

При написании диссертации использовались как общеисторические **методы** познания (сравнительно-исторический, хронологический), так и традиционно применяемые в археологических исследованиях. Планиграфический анализ погребально-поминального комплекса использован для выяснения структуры организации сакрального пространства и составляющих его элементов. С помощью классификации осуществлялось выделение конкретных типов ритуальных сооружений и объектов. Приемы статистической обработки использовались для подсчета веса признаков, характеризующих те или иные памятники. Метод датированных аналогий применялся для определения длительности бытования определенных традиций ритуального строительства в рамках существования названных культур. Прием археолого-этнографических параллелей, моделирование процессов и явлений исторической действительности решали задачу изучения семантики и выявления функциональной принадлежности разных ритуальных объектов и конструкций.

**Источниковая база исследования.** С территории Алтая проанализированы следующие материалы: 16 памятников бийкенской культуры, 92 погребально-поминальных комплекса пазырыкской культуры, 16 могильников булан-кобинской культуры и 292 тюркских ритуальных объектов. Используются опубликованные и не введенные в научный оборот сведения из архивов Кемерова и Барнаула. В работу включены материалы полевых работ, производившихся на Алтае автором или при его участии. Их результатом стало открытие ряда новых археологических памятников и точная фиксация уже известных объектов. Это раскопки на памятнике Тыткескень-VI и разведочные мероприятия в долине Карасу (Чемальский район), обследования в Онгудайском районе, где выявлены

ранее не известные археологические комплексы (Шелепова, 2007, 2008). При участии автора диссертации в разные годы велись разведки и раскопки памятников древних и раннесредневековых кочевников в Яломанском археологическом микрорайоне (Тишкин, Шелепова, 2006), осуществлялись исследования в Западной Монголии (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008). Отдельная работа предпринята по изучению ритуальных сооружений тюркской культуры на памятнике Котыр-Тас-1 (Кош-Агачский район Республики Алтай) (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008). Для достижения заявленной в диссертации цели привлекались сведения из письменных источников: для скифо-сакского времени – Ригведа, Атхарваведа, Упанишады, И-Цзин, Ши-Цзин; для периода раннего средневековья – исторические тексты в переводах Н.Я. Бичурина и Лю Маоцяя, тюркские рунические памятники.

**Научная новизна** диссертации состоит в том, что впервые ритуальные сооружения древних и раннесредневековых кочевников рассматриваются в динамике существования отдельных культур. Системному анализу и интерпретации подверглись практически все типы археологически зафиксированных объектов, отражающих специфику ритуальной практики в разные исторические периоды. Определена морфология сакрального пространства и семантика входящих в него памятников в бийкенской, пазырыкской и булан-кобинской культурах. Произведена классификация и типология тюркских ритуальных комплексов, что позволило проследить традиции и эволюцию ритуальной практики, установить датировку и назначение разных сооружений.

**Практическая значимость** работы заключается в использовании отдельных ее положений при написании обобщающих работ по мировоззрению, погребально-поминальному обряду, монументальной скульптуре древних и средневековых кочевников Алтая, истории открытий и исследований разновременных памятников на Алтае и Западной Монголии. Указанные аспекты станут особенно важными при реализации проекта, поддержанного грантом Президента РФ (НШ-5400.2008.6, «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»), в котором автор диссертации является основным исполнителем.

Разделы диссертационного исследования могут быть востребованы при разработке спецкурсов для ВУЗов, а также в экскурсионно-туристической деятельности.

**Апробация.** Нарботки и выводы по основным аспектам диссертационного исследования апробировались в период с 2003 по 2008 гг. при прочтении докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях и форумах в Томске, Новосибирске, Кемерове, Иркутске, Барнауле, Одессе, Суздале. Полученные результаты отражены в 25 публикациях, в том числе одной монографии.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложения, представленного в табличной, текстовой и иллюстративной форме.

### **Глава I. История исследований ритуальных комплексов кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья**

**1.1. Результаты изучения ритуальных памятников раннескифского времени (бийкенская культура) (конец IX – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.).** Одним из наиболее ярких и своеобразных проявлений кочевой цивилизации является скифо-сакское время. Ныне обоснованы хронология и этнокультурное наполнение ее «начального» периода. Бийкенская культура на Алтае выделена совсем недавно (Кирюшин, Тишкин, 1999). Наибольшая близость в погребальном обряде и организации сакрального пространства культуры наблюдается с памятниками Северо-Западной Монголии и Тувы (Кирюшин, Тишкин, 1997). Первые открытия и исследования курганов-херексурсов, «жертвенных» комплексов, «оленных» камней на Алтае и других территориях относятся ко 2-й половине XIX в. (исследования В.В. Радлова, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, А.М. Позднеева, И.Г. Гранэ) (Шелепова, 2006; Шелепова, Мунхбаяр, 2007). В начале XX в. поиск и раскопки погребальных и ритуальных сооружений в Юго-Западном Алтае осуществлял А.В. Адрианов (1916).

В течение 20-х – 40-х гг. XX в. исследования памятников скифо-сакского времени продолжались. Дальнейшее накопление сведений связано с 1960-ми гг. Значительное количество херексурсов, «оленных» камней, установленных возле курганов или в отдельных скоплениях, отметил в Северо-Западной и Западной Монголии В.В. Волков (1981, 2002). На стыке Западной и Центральной Монголии изучено несколько жертвенников (Новгородова, 1989). На Алтае был частично раскопан крупный ритуальный комплекс, включавший более 30 «оленных» камней (Кубарев, 1979). «Эталонные» материалы для изучения организации сакрального пространства и реконструкции ритуальной практики в раннескифское время получены при раскопках кургана Аржан в Туве (Грязнов, 1980). Самый северный из известных херексурсов обследован в Центральном Алтае в местности Кур-Кечу (Тишкин, 2007).

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. происходит открытие основной массы объектов бийкенской культуры. В процессе раскопок памятника Кор-Кобы-I зафиксировано две связанных с ним стелы (Суразаков, 1990). В группе раннескифских объектов комплекса Кызык-Телань-I отмечена серия изваяний и стел, которые лежали или находились в вертикальном положении рядом с курганами и выкладками (Суразаков, Тишкин, 2007).

Применение методики сплошного вскрытия исследуемой территории позволило выявить выкладки и вертикально установленные камни на комплексе Семисарт-I (Марсадолов, 1998, 2001). Изучение ритуальных объектов осуществлялось на памятнике Тыткескень-I. Вертикально установленные камни обнаружены на памятнике Тыткескень-VI (Кирюшин, Тишкин, 1997). Стелы и изваяния выявлены на комплексе Бийке, материалы из которого стали базовыми при выделении бийкенской культуры (Тишкин, 1994, 1996). Ритуальные объекты и конструкции зафиксированы на памятнике Чоба-7 (Ларин, Суразаков, 1994). Серия разнотипных «оленных» камней найдена при раскопках кургана Ак-Алаха-II (Полосьмак, 1993). Стелы и «дополнительные» сооружения зафиксированы на комплексах Усть-Бийке-III и IV (Тишкин, Горбунов, 2005). Элементы в погребальном обряде и организации сакрального пространства, отмеченные при обследовании памятников середины I тыс. до н.э. на Тянь-Шане (Табалдиев, 2006), имеют общие показатели с комплексами на Алтае. В Туве при раскопках кургана Аржан-2 установлено, что с комплексом связано около 200 ритуальных сооружений. В разных частях памятника найдено четыре «оленных» камня и одна стела (Чугунов, 2004). При обследовании херексура на границе Западной и Центральной Монголии обнаружено четыре «оленных» камня (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007). С запада кургана расчищены «кольца» с угольками и фрагментами кальцинированных костей. Материалы по интересующей нас тематике получены при возобновлении работ на могильнике Тыткескень-VI в 2006 г. (Тишкин, Матренин, 2007; Шелепова, 2007). Имеющиеся источники стали базой для определения типов ритуальных памятников и схем организации сакрального пространства в пределах одного историко-культурного региона.

**1.2. Опыт выявления и интерпретации околочурганной культуры (2-я половина VI—III вв. до н.э.).** Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры на Алтае стали исследоваться с середины XIX в. В 1865 г. на левом берегу Нижней Катанды В.В. Радлов (1896) зафиксировал кольцеобразные выкладки из семи камней и высказал предположение об их жертвенном характере. Н.М. Ядринцев (1883) впервые предпринял раскопки курганов пазырыкской культуры. Научные исследования памятников на Алтае произвел С.И. Руденко. На основе полученных и проанализированных материалов он обозначил группу характерных показателей для погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры. С середины 1960-х гг. стали изучаться «рядовые» некрополи, осуществлялись фиксации и раскопки околочурганной объектов. В 1974 г. исследована часть «колец» с западной стороны пазырыкских курганов на памятнике Ала-Гаил-III (Кубарев, Шульга, 2007). Детальное изучение планировки ритуальных сооружений производил В.А. Могильников (1983). Памятники скифского времени изучались В.Д. Ку-



баревым (1987) на комплексе Уландрык-II. Там он раскопал каменные наброски с запада пазырыкских курганов. Выборочные исследования ритуальных сооружений произведены на Юстыде и в долине Сайлюгема (Кубарев, 1991, 1992). С восточной стороны некоторых курганов В.Д. Кубарев отметил ряды камней. Раскопки ритуальных конструкций предприняты на памятниках Талдура-I и II (Могильников, Елин, 1983). Выкладка к западу от насыпи Второго Башадарского кургана раскопана в урочище Башадар Л.С. Марсадоловым (1997). Ритуальные объекты вскрыты с западной стороны пазырыкских курганов на памятнике Тьткескень-VI (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003). На комплексе Ороктой-эке изучено шесть ритуальных сооружений (Худяков, 2001). На памятнике Ак-Алаха-I и Кутургунтас открыты сложные комплексы ритуальных сооружений. С восточной стороны курганов найдены вертикально вкопанные камни (Полосьяк, 1994). На комплексе Усть-Кырлык-II были изучены две выкладки из цепочки сооружений с запада пазырыкских курганов (Соенов, 2003). Серия мероприятий, связанных с реконструкцией первоначального облика погребального комплекса, осуществлялась на могильнике Урочище Балчикова-3 (Кирюшин и др., 2001). Четыре небольших каменных насыпи-«курганчика» изучены на памятнике Кок-Эдиган (Худяков, Миронов, 1997). Новые сведения получены благодаря раскопкам на комплексе Тьткескень-VI. Там вскрыто десять выкладок и каменных набросков (Шелепова, 2007). «Стандартная модель» организации сакрального пространства и размещения разных объектов по отношению к курганам прослежена на Яломанском археологическом комплексе (Тишкин, Шелепова, 2006). При большом количестве раскопанных пазырыкских курганов исследования ритуальных сооружений производились выборочно и несистематически. По нашим данным в результате раскопано не более 30 таких объектов.

**1.3. Проблемы обнаружения и изучения ритуальных сооружений булан-кобинской культуры (II в. до н.э. – I-я половина V в. н.э.).** Критерии поиска и определения ритуального назначения памятников булан-кобинской культуры разработаны слабо. Первые сведения о них стали поступать в 1980-е гг. На комплексе Кок-Паш возле курганов были выявлены вертикально установленные камни (Бобров, Васютин, Васютин, 2003). В 1991 г. в ходе произведения работ в Бертекской долине были открыты и изучены памятники Бертек-3–4 (Молодин, 1994). Новые данные получены при производстве охранных работ на могильниках Чендек и Верх-Уймон. Была выявлена серия каменных насыпей без признаков погребения, курганы с захоронениями лошадей (Соенов, 2003). На некрополе Сары-Бел в группе булан-кобинских погребений выявлены самостоятельные захоронения лошадей. Вплотную у насыпи ряда курганов отмечены вкопанные вертикально камни-обелиски (Соенов, 1999). Курган без признаков погребения изучен на некрополе Айрыдаш-I. На археологическом комплексе Мойнак-II

исследована каменная насыпь, под которой зафиксированы кости животных, развал керамического сосуда, семь небольших ям и прокалов. Разные типы ритуальных памятников хуннско-сяньбийско-жужанского времени обнаружены на комплексе Кальджин-6 (Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004). В околочурганном и межчурганном пространстве памятника Тыткескень-VI зачищены крупные очажные пятна и прокалы от костров. Один из курганов не содержал погребения (Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992). В группе исследованных объектов булан-кобинской культуры на памятнике Яломан-II у курганов отмечены вертикально установленные камни; раскопаны отдельные захоронения лошадей (Тишкин, 2008). Археологические объекты «предтюркского» периода изучались на курганном могильнике Урочище Балчигова-3. С северо-восточной стороны курганов зафиксированы каменные стелы (Шульга, Горбунов, 2002). На границе плато Укок с Северо-Западной Монголией в 2006 г. раскопан объект в виде небольшой каменной наброски, под которой обнаружен сосуд (Молодин, 2007).

Материалы исследований ритуальных сооружений II в. до н.э. – 1-й половины V в. н.э. показывают специфичные формы организации сакрального пространства и типы сооружений. В целом ритуальные конструкции и объекты изучены на 16 памятниках в Центральном, Южном, Восточном и Северном Алтае.

**1.4. История исследования ритуальных комплексов тюркской культуры.** Раскопано более 300 ритуальных памятников. Первые сведения о них стали поступать с XVII в. Период накопления информации длился примерно до 2-й половины XIX в. На территории Алтая обширные научные изыскания проводил академик В.В. Радлов. Тюркские оградки и изваяния осматривались Н.М. Ядринцевым, Г.Н. Потаниным и др. (Шелепова, 2003, 2006). Сведения о таких памятниках содержатся в письмах финского ученого И.-Р. Аспелина (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008). Две тюркские оградки раскопаны А.В. Адриановым (1916) на Кара-Кобе. В 1924 г. в Восточном Алтае работала Алтайская экспедиция под руководством С.И. Руденко. Были вскрыты оградки на разных памятниках (Гаврилова, 1965).

В 1930-е гг. на Алтае начала работу Саяно-Алтайская экспедиция под руководством С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой (Китова, 2007). Применение методики сплошного вскрытия позволило зафиксировать конструктивные особенности многих оградок (Евтюхова, Киселев, 1941). В 1939 г. раскопки на Алтае у поселка Яконур производились Алтайской экспедицией Эрмитажа под руководством М.П. Грязнова (1940).

В послевоенный период планомерное исследование тюркских памятников продолжилось. Комплекс с валом и рвом исследован С.С. Сорокиным (1968). За период 1968–1984 гг. свыше половины ныне известных изваяний Алтая зафиксировано В.Д. Кубаревым. С 1976 г. он исследовал оградки на Юстыде. Комплекс из четырех оградок раскопан на холме Дьер-Тебе (Ку-

барев, 1978). Интересные данные получены при исследованиях в логу Чадыр (Кубарев, 1979). Оградки с валом и рвом вскрыты в степи Макажан, на левом берегу Актру, в урочище Малталу (Кубарев, 1984). Своеобразное по конструкции сооружение раскопано в местности Ян-Гобо. В 1980 г. открыт разновременный комплекс Белый Бом-II, в пределах которого обследована серия раннесредневековых оградок (Владимиров, 1980). Тюркские ритуальные объекты изучены В.А. Могильниковым на памятниках Талдура-I и II (Могильников, Елин, 1983). В это же время в Онгудайском и Улаганском районах работал А.С. Васютин (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008).

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. ритуальные сооружения изучались на памятниках Айрыдаш-I и II, в урочище Кызык-Телань, на могильнике Сары-Кобы. В начале 1990-х гг. несколько оградок вскрыто на памятнике Курата-II. Серия своеобразных ритуальных комплексов изучена В.А. Могильниковым (1992, 1994) на памятнике Кара-Коба-I. Оградки раскапывались на могильниках Пазырык, Сары-Коба-I–III, Тогусхан-IV, Бойтыгем-II и IV, Бике-I, Чобурак-I, Мендур-Соккон-I. В 1992 г. более 20 сооружений исследовано на памятнике Котыр-Тас-I (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008). Вещественный материал, на основе которого выделен ранний этап тюркской культуры, получен при раскопках объектов комплекса Кызыл-Таш (Соенов, Эбель, 1996). Под руководством Ю.С. Худякова интересные данные дали исследования на памятниках Биченег и Кишнег-Артудар (Худяков, Борисенко, Кыпчакова, 2001 и др.). Несколько тюркских оградок изучено в 2003 г. на памятниках Яломан-II и VII (Тишкин, 2003; Горбунов, 2004). В 2005 и 2006 гг. важные материалы получены при раскопках в урочище Кыйу и местности Кызыл-Шин (Кубарев, 2007).

В последние годы целенаправленные исследования оградок и изваяний перемещаются в Западную и Северо-Западную Монголию (Горбунов, Тишкин, Шелепова, 2008).

## **Глава II. Морфология сакрального пространства на погребальных комплексах кочевников поздней древности Алтая**

**2.1. Конструкция и расположение ритуальных комплексов ранне-скифского времени (бийкенская культура).** На памятниках бийкенской культуры зафиксирована определенная модель организации сакрального пространства. Ее элементами являлось погребальное сооружение и ритуальные конструкции. Последние разделены нами на две группы. В **первую** входят выложенные или вымощенные из камня округлые, подовальные или подквадратные сооружения: *кольца-выкладки* и *вымостки*. Определены два варианта планиграфии этих сооружений. I. Относятся к конкретным курганам. 1. Выкладка или вымостка с одной стороны кургана: а) с севера; б) с северо-запада; в) с юга; г) с юго-запада; д) с юго-востока. 2. Выкладки или вымостки с разных сторон кургана: а) с северо-востока и юго-востока; б) с

севера и северо-востока; в) с юга и востока. II. Не обнаруживают зависимости от конкретных курганов. 1. Находятся между курганами или в одной цепочке с ними. 2. В стороне от погребений. На площади ритуальных сооружений встречены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики с характерной орнаментацией или без нее, следы кострищ в виде золы и углей. В контексте традиции раннескифского времени следует рассматривать комплексы с захоронениями конских голов, исследованные на памятниках Тыткескень-VI и Бике (Шелепова, 2007). Ко **второй** группе ритуальных объектов бийкенской культуры отнесены *стелы* и *«оленные» камни*, обнаруженные в следующих ситуациях (Шелепова, 2008). 1. Надкурганные стелы и изваяния являлись элементом погребального сооружения, помещались на курганной насыпи, над ящиком с погребением человека и/или лошади. 2. Околокурганные камни расположены вблизи или на расстоянии от курганов, как правило, имеют меньшие по сравнению с надкурганными обелисками размеры. Выявлено несколько способов их размещения. 1) установлены только с одной стороны кургана: а) с запада, северо-запада, юго-запада; б) с северо-востока, юго-востока. 2) находятся одновременно с двух противоположных сторон курганов: а) к западу и востоку; б) к северо-западу и юго-востоку. 3. Являются частью жертвенных комплексов: а) находятся возле выкладок с захоронениями лошадей, пристроенных с юго-востока вплотную к кургану с погребением человека; б) установлены в ряд и сопровождаются кольцами-выкладками. Из 18 учтенных нами вертикальных камней-изваяний, первоначально помещавшихся в центре насыпи курганов, семь имели следы обработки и изобразительные реалии. Обозначенные элементы организации сакрального пространства на могильниках раннескифского времени Алтая обнаруживают характерное сходство с синхронными памятниками из Монголии и Тувы. Важной частью архитектурной планировки херексуров были выкладки, вымостки и «курганчики». В одном из вариантов они находятся с восточной и западной стороны херексуров и как бы «огибаят» их по окружности, не смыкаясь на севере и юге. Под выкладками и «курганчиками», сооруженными с востока херексуров, выявлены черепа лошадей (Цыбиктаров, 1998). Важным элементом структурирования сакрального пространства являлись стелы и изваяния – «оленные» камни. Обозначенные выше ситуации их вхождения в сакральное пространство памятников бийкенской культуры показывают эпохальное для культур раннескифского времени явление в разных районах Центральной Азии. Во 2-й половине VI в. до н.э. в Саяно-Алтае появляются конфедерации племен, для которых изготовление и почитание такой скульптуры было уже не свойственно.

**2.2. Особенности структурирования околокурганного пространства в пазырыкской культуре.** Организация сакральной территории в пазырыкской культуре характеризуется своими, отличными от предшествующе-

го времени элементами. Околокурганные сооружения разделены нами на три группы: **выкладки**, **«курганчики»** и **вымостки**. Они зафиксированы более чем на 56 могильниках. Порядок расположения этих конструкций по отношению к кургану выглядит следующим образом: **1. Выкладки к западу (с возможными отклонениями)**, на определенном расстоянии от курганной цепочки, сгруппированные в один или несколько параллельных ей рядов. Между рядами всегда имеется определенное расстояние. Одному кургану соответствует от 1 до 4 ритуальных объектов. Культурные остатки из таких сооружений представлены фрагментами керамики, кальцинированными костями животных, угольками и др. Из вещественных находок отметим бронзовый однолезвийный нож из памятника Бике-1. 2. К востоку от кургана: а) на некотором расстоянии или вплотную. Отношение данных сооружений к пазырыкской культуре не определено; б) в конце ряда «балбалов». Нам известно о раскопках одного из таких сооружений (Талдура-1, курган №2). 3. Другая ориентация. Элементом структурирования сакрального пространства на памятниках 2-й половины VI–II вв. до н.э. являлись **«балбалы»** – вертикально вкопанные камни, иногда со следами обработки. Мы учли 56 исследованных курганов с «балбалами» на 29 могильниках. За исключением нескольких случаев камни устанавливались всегда к востоку, северо-востоку или юго-востоку от курганов, в один ряд. Кроме небольших камней на пазырыкских могильниках найдены довольно крупные каменные стелы. В пределах погребально-поминального комплекса они размещены аналогично «балбалам», но встречаются гораздо реже.

По сравнению с раннескифским временем, на пазырыкских могильниках зафиксировано четкое разграничение разных частей околокурганной зоны и дистанцирование их от погребения. Курганы чаще всего сгруппированы в цепочки по линии Ю–С. С западной стороны и всегда на определенном расстоянии от них размещались ритуальные сооружения, а к востоку устанавливались ряды «балбалов» и стел.

**2.3. Особенности ритуальных памятников булан-кобинской культуры.** Изученные ритуальные памятники условно разделены на две группы (Матренин, Шелепова, 2007; Шелепова, 2008). 1. Самостоятельные комплексы взаимосвязанных конструкций. **Жертвенники** представляют собой каменные насыпи, под которыми вырыты одна или несколько ямок с керамическими сосудами внутри. Под насыпями, как правило, фиксируются кости животных, прокалы. Сооружения с этими показателями исследованы в Южном Алтае (Бертек-3–4 и др.). Схожие в оформлении комплексы отмечены в кокельской культуре Центральной Тувы, в синхронных памятниках Монголии, Хакаско-Минусинской котловины, Восточного Казахстана. Своеобразие алтайских памятников состоит в том, что они не связаны с синхронными и однокультурными погребениями. Присутствие таких сооружений отражает проникновение на Алтай отдельных групп населения не

ранее II в. н.э., импульсом для которого стала экспансия державы Сяньби. **Курганы с конскими захоронениями** по конструкции и внешним параметрам не отличаются от обычных курганов. В ямах отсутствует свободное пространство для умершего человека и инвентарь. Сооружения локализуются рядом с курганами, реже это одиночные объекты, находящиеся по соседству с могилами. **Поминальные курганы-кенотафы** аналогичны обычным курганам, располагаются в одной цепочке или пристраиваются к ним. В небольшой группе таких сооружений обнаружены угли, фрагменты керамики, кости животных, в единичных случаях – находки предметов. К настоящему моменту на Алтае насчитывается более двух десятков таких памятников. Существуют они со II в. до н.э. по V в. н.э. 2. Околокурганные сооружения. **Каменные столбики и «obelisks»** располагаются к востоку, западу, иногда к югу от курганов, часто установлены непосредственно у курганной насыпи. Каменные столбики также выявлены в синхронных комплексах из Тувы и Хакасско-Минусинской котловины.

Подчеркнем, что на памятниках булан-кобинской культуры полностью отсутствуют характерные для «пазырыкцев» выкладки, «курганчики», устроенные рядами с западной стороны. Нарушается принцип рядности и сакральной ориентации. Пазырыкские «балбалы» всегда расположены рядами к востоку от погребений, в то время как на могильниках булан-кобинской культуры стелы и обелиски найдены с разных сторон курганов.

### **Глава III. Семантика ритуальных комплексов поздней древности**

**3.1. Назначение ритуальных комплексов бийкенской культуры Алтая.** Способ отправления погребального и поминального обрядов в конкретный исторический период определялись соответствующими представлениями о смерти и потустороннем мире, господствующей религиозной системой. Данные воззрения складывались под влиянием разнообразных условий существования социумов. Содержание и последовательность погребального и поминального обрядов определялись сложившимися в культуре традициями (Ольховский, 1993). Цикл «поминальных» действий мог быть существенно отделен временем и пространством от погребальных мероприятий (Ольховский, 1995). Процедура выяснения функций разных типов околокурганных сооружений предполагает анализ археологически зафиксированных параметров: их планиграфии, конструкции, сакральной ориентировки. Важные сведения получены нами из письменных источников, в основе которых лежат индоиранская и китайская мировоззренческие традиции. Эти источники уже частично привлекались при анализе семантики погребальных конструкций и обряда бийкенской культуры (Тишкин, Леонова, 2005). Погребальные камеры ориентировались по линии ЮВ–СЗ (линия «прачи»), в то время как микроцепочка курганов устраивалась по линии ЮЗ–СВ. Сопровождающие курган ритуальные сооружения находи-

лись в восточном и западном секторе околочурганного пространства. В ведических сочинениях каждой из сторон света дано свое «имя»: восточная сторона – «жертвенная ложка», южная – «страдающая», западная – «царьца», северная – «благоденствующая». Совершение жертвоприношений связывалось с восточной, солярной стороной (Подосинов, 1999). Сакрализация юго-восточной (благоприятной) стороны в погребальном ритуале «бийкенцев» отразилась в захоронениях на этой стороне жертвенных лошадей. Центральным пунктом религиозно-этической системы Китая указанного времени был как раз культ мертвых предков (Васильев, 2001). Согласно И-Цзин запад, юго-запад считался областью тьмы, по этому направлению следовала душа умершего, а восток, северо-восток – областью света (Шуцкий, 1993). В индоиранской традиции сторона солнечного заката также рассматривается как местоположение страны предков. Умершие предки (питары) деифицировались, им предназначались обильные жертвоприношения («поминальная» жертва). Западная сторона у «бийкенцев» являлась местом расположения страны мертвых. Особая роль в обрядах отводилась лошади, которая приносилась в жертву высшему Небу и особенно голове коня, которая в ведических текстах соотносится с утренней зарей и солнцем. Таким образом, в пространственной ориентации у «бийкенцев» существовали вполне «устойчивые» сакральные линии. В порядке размещения ритуальных сооружений четко прослеживается оппозиция востока и запада. Выкладки и вымостки, пристроенные с востока, юго-востока, северо-востока к бийкенским курганам, следует рассматривать как жертвенники, а сооружения с западной стороны курганов предназначались для поминовения умерших (предков, «отцов») («поминальнички»). При жертвоприношениях значимые функции отводились лошади. «Поминальнички» и «жертвеннички» возводились по завершению строительства кургана, возможно спустя какое-то время. Источники свидетельствуют о многократном осуществлении обрядов жертвоприношений и поминовения «предков».

Исходя из наблюдений, что цепочки курганов бийкенской культуры являются имитацией реально существовавших жилищ кочевников и планировки отдельных поселений, камни, найденные у основания западной и восточной полы кургана, могли выполнять функцию «балбалов»-коновязей (Тишкин, 1996). К тому же под некоторыми из них изучены захоронения лошадей. Стелы или изваяния, помещавшиеся вертикально в центре курганов, над погребальной камерой выполняли функцию «памятного знака» (Савинов, 1994). Установленные на жертвенных выкладках и вымостках (в том числе с захоронениями лошадей или только их голов) камни можно интерпретировать как «жертвенные» столбы.

Анализ разных традиций позволил выявить и подтвердить, что религиозно-мировоззренческая система населения раннескифского времени и, в частности, бийкенской культуры носила синкретичный характер. По-

нять бийкенскую ритуальную практику помогает изучение херексуров и других памятников Монголии.

**3.2. Семантика околочурганских сооружений пазырыкской культуры.** Интерпретация ритуальных сооружений, занимающих западный сектор околочурганного пространства на памятниках пазырыкской культуры, представлена несколькими исследовательскими позициями. Для нас более приемлема точка зрения В.Д. Кубарева, который связывает функции таких сооружений с обрядом «...кормления и проводов души умершего» (Тишкин, Шелепова, 2006). Религия кочевников Алтая в тот период времени складывалась при участии иранского компонента в виде маздаизма в одном из его вариантов – митраизме, а также шаманских обрядов и верований (Тишкин, Дашковский, 2003; Яценко, 2007). Для рассмотрения обозначенной проблемы проанализированы материалы по погребально-поминальной обрядности кочевых народов, подходящие для сравнения по ряду общих критериев. Древние люди осознавали смерть как устранение, исчезновение из реальной жизни конкретного индивида. Она мыслилась как длительный процесс, что порождало необходимость заботиться об умершем и «подкармливать» его. Причем «кормление» предполагало совместное с умершим вкушение пищи, как бы «соучастие», переход на сторону мертвых (Седакова, 1990). С «кормлением» соотносится целый цикл регламентированных ритуалом действий. Одним из составляющих обряда было помещение в погребения деревянных столиков с мясной пищей (Савинов, 1996). «Кормление» могло заключаться не только в проводах умершего в иной мир, но также «задабривании» богов и т.д. (Дьяконова, 2001). Следы дальнейших обрядовых действий заключаются в остатках костей животных, керамики, угольках в насыпях курганов, в заполнении могильных ям, в межкурганном пространстве. Подобные подношения трактуются исследователями как тризна, свидетельство первых поминок в день похорон (Худяков, 1996).

Последующие поминки и акты «кормления» зафиксированы в археологических сооружениях с западной стороны курганов. Каждая выкладка, вымостка или «курганчик» отмечают очередное «кормление» души умершего и совершение «поминок». Вероятно, они производились трижды. Нахождение названных объектов всегда на определенном расстоянии от погребального сооружения и только с западной стороны показывает сознательное стремление родственников и соплеменников отделить территорию живых от территории мертвых, определявшееся существовавшим страхом перед умершим. Не исключено также, что первые в цепочках сооружения обозначали совершение обрядов старшими представителями различных общественных групп (Шелепова, 2005).

Другим элементом планировки пазырыкских могильников являются «балбалы» и стелы. В вопросе о функциях «балбалов» мы придержи-



ваемся гипотезы В.Д. Кубарева и С.С. Сорокина, трактующих их как коновязные столбы. Расположение курганов на могильниках пазырыкской культуры повторяет планировку кочевий (Тишкин, 1996). Стелы и «балбалы» являлись маркерами «жилища мертвого». Также они могли иметь значение особой «отметки», свидетельства на занятую территорию, утверждали на нее права, указывали на принадлежность покойного к определенному роду, определяли участие в похоронах или поминках родственников (Тишкин, Шелепова, 2006). «Балбалы» устанавливались в основном возле мужских погребений. В пределах курганной цепочки они находятся далеко не у каждого кургана. Стелы, как и «балбалы», могли выполнять функцию коновязных столбов. Кроме того, они указывали на степень знатности погребенного, так как обнаружены преимущественно на «элитных» погребальных комплексах. Описанная схема организации сакрального пространства не связана с традициями раннескифского времени и не находит «продолжения» в памятниках последующих культур.

### **3.3. Содержание ритуальной практики в булан-кобинской культуре.**

Своеобразие зафиксированных типов ритуальных сооружений характеризуется тем, что до проведения раскопок они визуально не отличимы от погребальных объектов. Памятники, отражающие «поминальные» действия, не обособлены. При их анализе привлекались сведения по изучению синхронных ритуальных комплексов с других территорий. По ряду показателей «жертвенники» сходны с «поминальными» курганами кокзельской культуры и «поминальными» сооружениями таштыкской общности, но отличаются от них разнообразием планиграфических решений. Назвать ямки и сосуды в горно-алтайских «жертвенниках» «поминами» затрудняет то, что они не связаны с одновременными погребальными объектами. «Семантическим центром» в данных комплексах являлся сосуд. Д.Г. Савинов (1995) предположил, что сосуды способствовали наиболее благоприятной реинкарнации души умершего. Б.Б. Овчинникова (2001) полагает, что они выражали представление о необходимости его «кормления». Определенным своеобразием обладали также вертикально установленные возле булан-кобинских курганов камни. В «полноценных» погребениях с такими камнями захоронены только мужчины. В остальных случаях обелиски находятся рядом с кенотафами или отдельными захоронениями лошадей. Каждому погребению обычно соответствует один обелиск. Исходя из изложенного, такие камни можно рассматривать как «памятный знак» конкретному умершему воину и «отметку» его заслуг.

С какими-то циклами «поминальных» обрядов следует связывать курганы, условно названные нами поминальными курганами-кенотафами. Обряд самостоятельных захоронений лошадей не характерен для пазырыкской культуры, но известен в бийкенской и тюркской культурах.

В целом формы организации сакрального пространства у кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. не продолжают развитие традиций пазырыкской культуры. Это памятники, отражающие другое содержание ритуальной практики, изучение которых должно быть продолжено.

#### **Глава IV. Организация сакрального пространства в период раннего средневековья (тюркская культура)**

**4.1. Основные подходы к систематизации тюркских ритуальных комплексов.** Созданные в разное время классификации тюркских ритуальных комплексов Алтая и других территорий демонстрируют определенный опыт обобщения и структурирования археологического материала. На сегодняшний день назрела необходимость классификации памятников по таким группам признаков, которые бы позволили проследить процессы формирования и развития ритуальной практики. В классификациях В.Д. Кубарева и А.С. Васютина типы взаимовстречаемы и не отражают реальную хронологическую ситуацию (Шелепова, 2004). Мы систематизировали материалы раскопок 292 объектов (100%) на 72 памятниках. Для их группировки использована шестичленная древовидная схема. Признаки объединены в иерархические таксоны, каждый из которых обозначает конкретные показатели. **Категория** включает всю совокупность признаков в оформлении ритуальных комплексов. **Группа** характеризует форму оградок. **Разряд** уточняет их планировку. **Раздел** отмечает наличие или отсутствие внеградных сооружений и объектов и варианты их сочетаемости в одном памятнике. **Отдел** характеризует ориентацию внеградных объектов по отношению к оградке. **Тип** показывает наличие или отсутствие внутриградных сооружений и варианты их сочетаемости в одном комплексе.

**4.2. Типология ритуальных комплексов тюркской культуры.** В результате осуществления объективной классификации обозначилось 78 типов ритуальных комплексов, из которых более всего объектов относится к периоду *формирования* тюркской культуры – 2-й половине V – 1-й половине VI вв. (кызыл-ташский этап): 1. Округлые оградки, в основном рядом стоящие, реже одиночные, которые датированы не позднее середины VI в. 2. Смежные четырехугольные оградки, которые представляли другую, но параллельную первой линию развития. 3. Захоронения лошадей, произведенные в округлых рядом стоящих и реже четырехугольных одиночных сооружениях. 4. Нахождение изваяний/стел и балбалов с западной, северной стороны. 5. Отсутствие скульптурных изваяний. 6. Отсутствие вала и рва. 7. Наличие внутри ящичков. 8. Жертвенные ямки. Для комплексов 2-й половины VI – 1-й половины VIII вв. (кудыргинский и катандинский этапы) нами выделены следующие показатели: 1. Возводятся только четырехугольные оградки одиночной планировки или рядом стоящие. Не известно смежных построек, оградок округлой формы. 2. В ориентации внеог-

радных камней «закрепляется» благоприятная восточная сторона (Жычанов, 1997). 3. Распространяются скульптурные изваяния, которые вместе с балбалами помещались только с восточной стороны четырехугольных оградок, одиночных или рядом стоящих. 4. Изучены памятники с валом и рвом, столбовыми ямками по углам. 5. Со 2-й половины VI в. в оградках чаще, чем ранее, встречается столбовая ямка.

Позднее середины VIII в. на Алтае не известно оградок с валом и рвом, у многих из них отсутствуют и балбалы (Борисенко, Скобелев, Худяков, 2000). Во 2-й половине VIII, а особенно в IX – 1-й половине X вв. сооружались в основном оградки без дополнительных внешних конструкций. В IX–X вв. общее количество комплексов уменьшается.

Продатировано 250 ритуальных комплексов. Помимо вещественных находок уточнить время их сооружения позволяют реалии соответствующих изваяний: особенности оформления поясов и оружия.

Судя по классификации, некоторые типы памятников демонстрируют непрерывное существование на всех этапах развития тюркской культуры. Это одиночные и рядом стоящие оградки без внутренних и внешних конструкций, одиночные сооружения без внешних элементов и со столбовой ямкой в центре и рядом стоящие оградки без внешних конструкций и со столбовой ямкой внутри.

**4.3. Вопросы интерпретации тюркских ритуальных комплексов.** Оградки с изваяниями и балбалами интерпретируются чаще как «поминальные» памятники. Предложены разные реконструкции их начального облика, порядка совершения обрядовых действий и интерпретации отдельных конструкций (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008). В китайских хрониках подтверждений об отделении во времени и пространстве поминок от процесса погребения мы не находим. Но там описывается приношение жертв, с момента смерти до погребения. Их следы фиксируются в костях животных в оградках. Важную информацию для установления функционального назначения ритуальных комплексов дает рассмотрение отдельных элементов памятников, их планировки и конструкции, взаимосвязи с тюркскими курганами (Шелепова, 2008). Так, памятник Котыр-Тас-1 является отдельным, монокультурным комплексом (Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008). Тюркские курганы на его территории или вблизи отсутствуют. Поэтому вопрос «Кого поминали?», вполне закономерен. Отметим, что курганам соответствуют свои «поминальники», стелы, изваяния и «балбалы». С определенной долей уверенности оградки с конскими захоронениями и набором вещей для предполагаемого погребения человека (Кара-Коба-1, оградка №109, Мендур-Соккон, оградка №1 и 2) можно причислить к символическим погребениям – кенотафам, которые сооружались в честь погибших на чужбине воинов. Отдельные захоронения лошадей можно счи-

тать захоронением боевого коня. Конструктивное оформление таких комплексов (округлые сооружения в виде сот) и сам обряд отражает сохранение в течение некоторого времени предшествующих традиций. Небольшие «ящички» с вещами в оградках раннего этапа напоминают булан-кобинские кенотафы. Объекты без внешних и внутренних элементов, а также оградки со столбовыми и/или жертвенными ямками наиболее сложны в плане интерпретации, хотя привлекательно назвать их «поминальниками». С другой стороны, они могут рассматриваться в качестве «рядовых» символических погребений. Объяснить типологическое разнообразие ритуальных комплексов можно с позиции социальной и профессиональной стратификации тюркского общества. В целом описанные в хрониках конструкции могут быть идентифицированы с тюркскими ритуальными сооружениями. Поминки и жертвенные ритуалы сопровождали процесс символического погребения, а также совершались спустя некоторое время после него. Судя по всему, одним из этапов поминального обряда являлась установка вертикального столба или каменной стелы в центре. В оградку переносились также остатки от сожженной на стороне жертвенной пищи. Погребальная сторона ритуала состояла в сооружении ящичков или ямок, в которые помещались вещи. Видимо, они являлись «могилами» умершему, а «символическим зданием» при могиле – оградка. При закладке сооружений камнями и возведении насыпи также приносились жертвы. После этого снаружи устраивались «пристройки», которые показывают произведение заключительных «поминальных» действий. После этого устанавливались изваяния/стелы и балбалы, выкапывались ямки для установки деревянных или каменных столбов, сооружались вал и ров. Эта «идеальная» и схематичная модель устройства ритуального комплекса варьировалась и представлена разнообразными типами памятников.

**В заключение** подведены основные итоги исследования. На основе обширного корпуса археологических и письменных источников рассмотрены актуальные проблемы изучения ритуальных комплексов кочевников древности и раннего средневековья Алтая и сопредельных территорий. Конкретизировать представление о ритуальных сооружениях и объектах бийкенской культуры удалось за счет привлечения сведений о раскопках херексуров и исследованиях «оленных» камней из Западной Монголии и Тувы. В раннескифское время ритуальные объекты были непосредственно связаны с конкретными курганами или образовывали самостоятельные законченные комплексы. Сооружения, найденные с восточной стороны курганов, следует рассматривать как жертвенники, а выкладки с западной стороны предназначались для поминовения умерших («поминальники»). Определены три варианта встречаемости стел и изваяний в разных комплексах. Надкурганно вертикально установленные

камни в условной манере изображали конкретных людей и предназначались в качестве надмогильного памятника умершему. Околокурганные камни выполняли функцию коновязных столбов. Стелы и «оленные» камни являлись также частью самостоятельных и законченных памятников. В этом случае они выполняли коммуникативную роль и были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений. Во 2-й половине VI в. до н.э. раннескифская традиция приходит в упадок, не получая дальнейшего развития. В пазырыкской культуре ритуальные сооружения обладают совершенно другой структурой. Они находятся с запада курганов показывают неоднократное «кормление» души умершего. Околокурганные вертикально установленные камни-«балбалы» и стелы имели отличное от памятников бийкенской культуры устройство. Такие «балбалы» использовались в качестве коновязей и обозначали право коллектива на занятую территорию. Стелы указывали, кроме этого, на высокий статус погребенного. Со II в. до н.э. наблюдаются радикальные изменения в ритуальной практике. Ее формы и содержание не связаны с пазырыкскими. Исчезает принцип «рядности», стелы и обелиски находят с разных сторон курганов, не известно характерных для пазырыкского времени выкладок, вымосток и «курганчиков». Новым явлением становятся отдельные захоронения лошадей под курганами, жертвенники с сосудами. Первые погребальные и ритуальные памятники, оставленные тюрками на Алтае, появляются начиная со 2-й половины V в. н.э. Выполненная нами классификация позволила выделить этапы формирования и развития соответствующей ритуальной практики. Группа сооружений 2-й половины V – 1-й половины VI вв. представлена округлыми постройками с обрядом конских захоронений, напоминающих выявленные в булан-кобинской культуре. В это же время появляется совершенно новый тип построек – четырехугольные оградки с установленными внутри деревянными или каменными столбами, ямками и ящичками с вещами. Последние также можно каким-то образом связать с сохранением булан-кобинских традиций. Тюркские изваяния демонстрируют широкое распространение в раннесредневековой культуре феномена воинской скульптуры. Реалистичные изваяния датируются не ранее 2-й половины VI в. Тогда же преобладающим становится восточное направление ориентации, появляются комплексы с валом и рвом и т.д. С падением государственности и проникновением на Алтай других групп населения тюрки не прекращают сооружать оградки и изваяния, в том числе скульптурные, но общее количество сооружений уменьшается и в культурах монгольского времени они не известны. Такие памятники мы рассматриваем как типологически разнообразные погребально-поминальные комплексы, являвшиеся одновременно местами символического погребения и поминовения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

**Монография:**

1. Суразаков, А.С. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае: монография / А.С. Суразаков, А.А. Тишкин, **Е.В. Шелепова**. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 112 с.: ил. + вкл. (авт. вклад – 3,0 п.л.).

**Статья в журнале, рекомендованном ВАК:**

2. **Шелепова, Е.В.** Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности: систематика и анализ / Е.В. Шелепова // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. – 2008. – №4/2. – С. 223–230 (0,95 п.л.).

**Статьи и тезисы:**

3. **Шелепова, Е.В.** Изучение Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым каменных изваяний Горного Алтая и Северо-Западной Монголии / Е.В. Шелепова // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: сб. тез. / Том. гос. ун-т. – Томск, 2003. – С. 184 (0,1 п.л.).

4. **Шелепова, Е.В.** Исследования Н.М. Ядринцева в области археологии / Е.В. Шелепова // Студент и научно-технический прогресс: Археология: мат. междунар. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – С. 46–48 (0,1 п.л.).

5. **Шелепова, Е.В.** История изучения археологических памятников Северо-Западной Монголии в XIX – начале XX вв. / Е.В. Шелепова // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: мат. всерос. конф. / Том. гос. ун-т. – Томск, 2003. – С. 85–87 (0,2 п.л.).

6. **Шелепова, Е.В.** Использование изваяний скифского времени в тюркских поминальных памятниках / Е.В. Шелепова // Студент и научно-технический прогресс: Археология и этнография: мат. междунар. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2004. – С. 65–67 (0,1 п.л.).

7. **Шелепова, Е.В.** Тюркские оградки Яломанского археологического комплекса / Е.В. Шелепова // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: мат. регион. конф. / Кем. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – С. 285–286 (0,1 п.л.).

8. **Шелепова, Е.В.** Основные подходы к изучению поминальных памятников пазырыкской культуры / Е.В. Шелепова // Студент и научно-технический прогресс: мат. междунар. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – С. 30–32 (0,1 п.л.).

9. **Шелепова, Е.В.** Планиграфия «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая / Е.В. Шелепова // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности: Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: мат. рос. конф. / Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 2005. – С. 228–230 (0,1 п.л.).

10. **Шелепова, Е.В.** Результаты и перспективы изучения поминальных комплексов скифской эпохи Алтая / Е.В. Шелепова // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. науч. конф. / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2005. – С. 28–30 (0,1 п.л.).

11. **Шелепова, Е.В.** История изучения тюркских поминальных комплексов на территории Монголии / Е.В. Шелепова // Эколого-географические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии: сб. науч. трудов / Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 2006. – С. 132–147 (0,9 п.л.).

12. Тишкин, А.А. Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая / А.А. Тишкин, **Е.В. Шелепова** // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. трудов / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – Вып. II. – С. 38–49 (авт. вклад – 0,7 п.л.).

13. Тишкин, А.А. Околокуранные объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона / А.А. Тишкин, **Е.В. Шелепова** // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. науч. трудов / Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2006. – Вып. 3–4. – С. 143–150 (авт. вклад – 0,95 п.л.).

14. **Шелепова, Е.В.** Возможности использования этнографических параллелей при интерпретации околокуранных сооружений пазырыкской культуры Горного Алтая / Е.В. Шелепова // Интеграция археологических и этнографических исследований: мат. науч. семинара / Омский гос. ун-т и др. – Одесса; Омск, 2007. – С. 254–258 (0,3 п.л.).

15. **Шелепова, Е.В.** К вопросу о «переиспользовании» «оленных» камней в памятниках тюркской культуры / Е.В. Шелепова // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. трудов / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2007. – С. 113–118 (Труды САИПИ. Вып. 3) (0,6 п.л.).

16. Матренин, С.С. Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) / С.С. Матренин, **Е.В. Шелепова** // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сб. науч. трудов / Агентство по культ.-ист. наследию Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 84–90 (авт. вклад – 0,5 п.л.).

17. **Шелепова, Е.В.** Некоторые результаты изучения ритуальных объектов на памятнике Тыткесень-VI / Е.В. Шелепова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: сб. науч. ст. / Алтайский гос. ун-т, НИИ ГИ. – Барнаул, 2007. – Вып. XVI. – С. 136–142 (0,35 п.л.).

18. **Шелепова, Е.В.** Новые сведения о захоронениях конских черепов (по результатам исследования памятника Тыткесень-VI) / Е.В. Шелепова //

Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч. трудов / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2007. – С. 185–188 (0,3 п.л.).

19. **Шелепова, Е.В.** Археологические исследования И.Г. Гранэ на территории Монголии / **Е.В. Шелепова**, Ч. Мунхбаяр // Немецкие исследователи на Алтае: сб. мат. науч. конф. / Горно-алт. гос. ун-т и др. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 194–198 (авт. вклад – 0,5 п.л.).

20. **Шелепова, Е.В.** Вертикально установленные камни на погребальных комплексах скифской эпохи Алтая / **Е.В. Шелепова** // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: мат. регион. конф. / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2008. – С. 146–148 (0,1 п.л.).

21. **Шелепова, Е.В.** Изучение раннего комплекса ритуальных сооружений тюркской культуры Алтая / **Е.В. Шелепова** // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: мат. конф. / Том. гос. ун-т. – Томск, 2008. – С. 229–233 (0,6 п.л.).

22. **Шелепова, Е.В.** Изучение ритуальных комплексов кочевников Алтая раннескифского времени (бийкенская культура) / **Е.В. Шелепова** // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: сб. науч. трудов / Ин-т археологии РАН. – М., 2008. – Т. II. – С. 104–107 (0,3 п.л.).

23. Горбунов В.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II / **В.В. Горбунов**, **А.А. Тишкин**, **Е.В. Шелепова** // Теория и практика археологических исследований: сб. науч. трудов / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2008. – Вып. 4. – С. 92–102 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

24. **Шелепова, Е.В.** Некоторые аспекты изучения тюркских ритуальных комплексов Алтая / **Е.В. Шелепова** // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. трудов / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2008. – С. 111–115 (0,32 п.л.).

25. **Шелепова, Е.В.** Результаты фиксации археологических комплексов в Онгудайском и Чемальском районах Республики Алтай / **Е.В. Шелепова** // Археологические открытия 2006 года: сб. ст. / Ин-т археологии РАН. – М., 2008. – С. 130–131 (0,1 п.л.).

Подписано в печать \_\_\_\_\_

Печать офсетная. Бумага для множительных аппаратов

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 1,5

Заказ №349. Тираж 100 экз.

Бесплатно

---

Типография Алтайского государственного университета  
656049, Барнаул, Димитрова, 66